

ТАЙНЫ
ТРИДЕВЯТОГО
ЦАРСТВА

ЭЛЬМИРА ШАБУРОВА

Эльмира Шабурова

Тайны тридевятого царства

<https://litres.ru/74402169>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать в современное сказочное Тридевятое царство — место, где древние традиции соседствуют с новинками магических технологий, метлы оснащены GPS навигаторами, а волшебные смартфоны не уступают обычным в популярности!

Василиса, выпускница педагогического института, отказывается от престижной должности наставницы царевича и уезжает в деревню к бабушке Яге — хранительнице древних знаний. Там она знакомится с Константином — внуком Кощея Бессмертного, который только что вышел из царской тюрьмы после нелепого приключения.

Но идиллию нарушают коварные планы Соловья разбойника: злодей жаждет заполучить магический кристалл Кощея, считая, что тот дарует бессмертие и власть над миром. В этом ему помогает сестра Ксения — стильная барышня, тайно влюблённая в Костю. Хитроумная интрига злодеев вовлекает Василису и Константина в три опасных приключения

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	26
Глава 3.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эльмира Шабурова

Тайны тридевятого царства

Глава 1.

Если вам кто-то скажет, что Тридевятое царство — это дремучий лес, кривые избушки на курьих ножках и дороги из желтого кирпича, которые последний раз ремонтировали при Горыныче, смело плюньте этому человеку в глаз. Современное Тридевятое — это высокотехнологичная сказка, где магия давно поставлена на поток, монетизирована и обложена налогами так же плотно, как бочка со шпротами.

У нас есть «ГигаПтица» — агрегатор такси на Змеях Горынычах (эконом-тариф летает на одном левом огнедышащем, комфорт — на двух, бизнес-класс требует справку об отсутствии клаустрофобии для полета внутри третьего). Есть сеть кофеен «Зелье дня», где бариста-лешие варят латте на миндальном молоке единорогов, а вместо сахара добавляют толченый зуб кикиморы. У нас даже Почта России работает идеально: если вы отправили посылку бабушке, она прилетит ровно через три секунды, но будет выглядеть так, будто ее жевал медведь-шатун, потому что почтовые голуби-телепортаторы страдают тяжелой формой гастрита.

Я, Василиса Премудрая, сидела на веранде нашего городского терема, пила тот самый латте с зубом кикиморы (на вкус как жженный пластик с нотками отчаяния) и пыталась впихнуть в голову третьеклассника Емели основы квантовой физики. Емеля был безнадежен. Его шука, исполняющая желания, работала по принципу нейросети: формулировать запрос нужно было предельно точно. Вчера он пожелал «много денег», и его завалило медными пятаками тысяча восемьсот двенадцатого года весом в полтонны. Сегодня мы проходили тему «Сохранение энергии».

— То есть, — ныл Емеля, гоняя соломинкой пенку, — если я захочу, чтобы печь сама поехала, мне надо сначала дров наколоть? Это дискриминация трудового элемента!

— Емельян, — вздохнула я, закрывая голографический учебник. — Закон сохранения импульса не знает слов «дискриминация». Хочешь ехать — приложи силу. Или попроси шуку сформулировать: «Трансмутация потенциальной химической энергии древесины в кинетическую энергию движения объекта массой пятьсот килограмм без нарушения второго закона термодинамики». Попробуешь?

Емеля побледнел, икнул и исчез вместе со своей табуреткой. Кажется, шука снова дала сбой и отправила его прямоком на урок физкультуры. Я стерла с планшета формулы и откинулась на спинку плетеного кресла. На сегодня рабочий день окончен.

Именно в этот момент калитка моего палисадника содрог-

нулась от удара такой силы, словно в нее въехал курьерский дилижанс. На дорожке стояли трое. Двое были похожи на шкафы, одетые в костюмы от очень слепого портного. Третий был маленький, лысый, с золотой цепью толщиной с мою руку, на которой болтался амулет в виде двуглавого жар-птицы. От них за версту несло казенными благовониями и легким запахом валерьянки.

— Гражданка Василиса? — пропищал лысый, пытаясь придать своему лицу государственную важность. Получалось плохо, потому что колени у него тряслись, а глаза бежали, как два таракана на раскаленной сковороде.

— Допустим, — я сделала глоток пластикового латте. — А вы, простите, чьи будете? Контора Черта Лысого? Налоговая служба Водяного?

Лысый судорожно сглотнул. Один из шкафов сделал шаг вперед. Под его пиджаком явственно бугрились мышцы, способные сворачивать шеи драконам.

— Мы имеем честь представлять Канцелярию Его Царского Величества! — рявкнул Шкаф номер один голосом, привыкшим командовать парадом големов. — По личному распоряжению Государя-батюшки!

— Ого, — я приподняла бровь. — И чем я провинилась перед батюшкой? Опять парковала ступу на месте для самокатов Кощея? Так я заплатила штраф серебром, квитанция в приложении «Умный Город-Тридевятый».

— Речь идет о государственной важности! — взвизгнул

лысый, доставая из папки свиток, перевязанный красной лентой и запечатанный сургучом размером с кулак. — Нашей системе образования требуются лучшие умы! Светочи педагогики! Вы закончили Институт Волшебных Наук имени Ивана-дурака с отличием. Красный диплом. Кафедра управления сложносочиненными заклинаниями и подростковой агрессией. Нам нужны такие люди, как вы! Они начали наступление. Классическая схема захвата заложников лостью.

— Василисушка, свет очей наших! — загнусавил второй Шкаф, делая попытку поклониться, которая больше походила на начало эпилептического припадка. — Цесаревич наш, Иван-Царевич Младший, достиг возраста инициации магии. Ему семь годков стукнуло. Характер у мальчика... специфический. Огонь ему подчиняется только когда он чихает, вода течет исключительно вверх, а земля уходит из-под ног всех окружающих. Нам нужен наставник. Дрессировщик. Укротитель. Тот, кто сделает из этого стихийного бедствия будущего правителя!

— Условия — сказочные! — подхватил лысый, размахивая свитком. — Оклад — сто пудов чистого золота в месяц! Плюс премия за каждого усмирённого джинна! Жилье во дворце! Питание от личного повара царя! Слуги! Карета, запряжённая тройкой элитных василисков! И социальный пакет! Полная страховка жизни, включая укусы бешеных оборотней и проклятия тещи!

— Золотой ватерклозет инкрустированный! — ляпнул первый Шкаф, видимо, от избытка чувств, и тут же получил локтем в бок от коллеги. Я медленно допила свой напиток. Идея была заманчивой. Очень заманчивой. Сто пудов золота решили бы все мои проблемы с ипотекой на эту городскую недвижимость. Но потом я вспомнила лицо Емели, который сейчас, вероятно, висел вниз головой в спортзале, потому что шука неправильно поняла слово «физкультура».

— Ребят, — сказала я максимально мягко. — Спасибо. Мне безумно льстит, что сам царь готов променять меня на золотую рыбку. Но нет.

Тишина, повисшая над моим палисадником, стала плотной, как кисель. Даже воробьи перестали чирикать.

— Что значит «нет»? — просипел лысый. — Ты понимаешь, кому ты говоришь «нет»? Это же Царь! Самодержец! Помазанник!

— Прекрасно понимаю, — кивнула я. — Я говорю «нет» работодателю, который предлагает токсичную среду. Ваш цесаревич — это ходячая шаровая молния с эдиповым комплексом. Он вчера превратил няньку в жабу просто потому, что она запретила ему играть с Колесом Фортуны в гостиной. Вы хотите, чтобы я разгребала эти авгиевы конюшни детской психологии за ваши золотые слитки? Нет. Моя нервная система мне дороже. К тому же, у меня бабушка старенькая. Ей уход нужен. И дегустация настоек.

— Да бросьте вы свою бабушку! — взвыл лысый, всплес-

нув руками. — Мы ей выделим флигель в дворцовом саду! Лучших лекарей! Омолаживающие ванны из слез русалки! Она еще девяносто лет проживет и замуж выйдет!

— Во-первых, — мой голос стал ледяным, — моя бабушка — Баба Яга. Если вы предложите ей ванну из слез русалки, она сварит эту русалку заживо и пустит на начинку для пирогов. Во-вторых, моему дедушке Кощею Бессмертному эта идея тоже не понравится. А злить пенсионера-Кощея, у которого ломота в костях на полнолуние — это плохая государственная стратегия. До свидания.

Я встала, давая понять, что аудиенция окончена. Шкафы синхронно схватились за рукояти мечей-кладенцов, спрятанных под мышками.

— Девушка, вы вынуждаете нас применить принудительные меры государственного убеждения! — прорычал первый. И вот тут началось самое комичное.

Принудительные меры в исполнении этих двоих выглядели как балет пенсионеров Большого театра, страдающих радикулитом. Шкаф номер один попытался взять меня в захват. Он занес руку, поскользнулся на лужице от моего латте и с грациозностью беременного гиппопотама рухнул прямо в клумбу с редкими мандрагорами. Мандрагоры истошно завопили ультразвуком, от которого у лысого чиновника парик встал дыбом и заискрил. Второй Шкаф решил действовать умнее. Он достал из кармана артефакт — «Сеть Покая», предназначенную для ловли мелких бесов. Сеть раз-

вернулась в воздухе сияющим полотном... и накрыла самого лысого, который в панике пытался потушить горящий парик ладонями.

— Попалась, ведьма! — торжествующе прохрипел при-
давленный мандрагорами первый Шкаф из цветочной гряд-
ки.

Я щелкнула пальцами. Из-за угла терема выпорхнула моя метла последней модели — «Вий-Про Спорт». Турбонаддув, кожаное седло, встроенный навигатор и подогрев рукояток.

— Передайте Его Величеству, — крикнула я, запрыгивая на метлу, — что лучший учитель — это жизнь. А лучшая школа — деревня. Экстерном!

Я выжала акселератор. Метла свечой ушла в небо, оставив внизу клуб пыли, орущих чиновников, вопящие мандрагоры и одного несчастного бюрократа, запутавшегося в собственной антимагической сети. Вслед мне понесся отчаянный визг:

— У тебя пожизненный бан на госслужбу! Тебе никогда не дадут кредит в банке «Жир-Змей»!

— Переживу! — отозвалась я, направляя метлу строго на север, туда, где среди вековых сосен пряталась деревенька моей бабушки.

Дорога заняла сорок минут. За это время я успела пролететь мимо завода по производству ковров-самолетов (там как раз была пересменка, и сотни рабочих-гномов шли домой, обсуждая новый профсоюз), обогнала пробку из печей

самоходных на выезде из города и пересекла границу Великого Бора. Здесь технологии заканчивались. Вернее, они становились другими. Вместо вышек 5G здесь росли дубы-колдуны, транслирующие бесплатный Wi-Fi природы. Вместо асфальта — тропинки из живого мха, который деликатно подсвечивался синим в темноте, чтобы путники не переломали ноги. Воздух пах хвоей, сушеными травами и едва уловимым дымком от печи, в которой явно запекали что-то крупное и недовольное. Моя бабушка, Ядвига Петровна, известная в узких кругах как Баба Яга, владела самым престижным участком леса. Ее усадьба стояла на пересечении трех дорог. Одна вела в топкое болото (для нежелательных гостей), вторая — в чашу к лешему (для очень нежелательных), а третья — прямо к резным воротам ее терема. Сам терем был произведением искусства. Высотой в четыре этажа, на мощных куриных ногах породы Gallus Giganticus (специально выведенные, бронированные, с интеллектом сенбернара). Ноги сейчас мирно дремали, обвив хвостами фундамент, отчего дом слегка покачивался в такт их дыханию. Крыша из чешуи молодого Змея Горыныча переливалась на солнце всеми оттенками изумруда. На коньке крыши сидел огромный черный кот Базиль и лениво играл когтистой лапой с зависшим в воздухе дроном-разведчиком царской охраны. Кот прихлопнул дрон, как муху, сунул микросхему в рот, скривился и презрительно сплюнул.

— Свои! — крикнула я, снижаясь. — Базиль, фу, пода-

вишься, там литий!

Кот демонстративно отвернулся. Метла плавно опустилась на крыльцо. Я сошла на доски, которые тут же тепло подсветились приветственным зеленым светом. Дверь открылась сама, издав скрип, полный древнего достоинства. Внутри пахло сушеными яблоками, полынью, свежим хлебом и мазью от радикулита.

— Явилась, гулена? — раздался густой, как смола, голос откуда-то сверху. Я подняла голову. С потолка, перебирая лапами по невидимой паутине, спускался огромный паук-птицеед Аристарх. Он был домашним любимцем, бухгалтером и службой безопасности в одном лице. На спине у него крепилось миниатюрное пенсне.

— Аристарх, прекрати строить из себя Дракулу, упадешь — костей не соберешь, — улыбнулась я. — Привезла тебе лицензионную копию нового справочника «Сто способов легально уклониться от уплаты налога на нежить».

Паук приземлился на перила, поправил пенсне передней лапой и важно кивнул.

— Добро пожаловать, Василиса. Бабушка в лаборатории. Ученица рыдает в кладовке номер три. Причина — разбила банку со слезами феникса, теперь у нее волосы растут внутрь черепа. Ничего страшного, через пару часов выпадут. Ужин через час. Меню: борщ суточный, пирожки с требухой упыря, компот из молодильных яблочек.

— Поняла, — я сбросила кроссовки. — Пойду спасать мо-

лодежь. Из дальней комнаты действительно доносились звуки, похожие на плач кита, севшего на мель. Я толкнула тяжелую дверь учебной залы. Помещение напоминало гибрид алхимической лаборатории, библиотеки монастыря и магазина приколов. Повсюду стояли колбы с бурлящими жидкостями, полки ломились от книг («Теория струн для чайников», «Некромантия для начинающих: первое свидание с мертвецом», «Как правильно варить приворотное зелье, чтобы муж не повесился»), а под потолком левитировали черепа бывших должников, играющие в шахматы. В углу, за огромным чугунным котлом, сгорбилась фигура. Это была Марфа — самая бестолковая ведьма выпуска этого года. Ростом под два метра, плечи шире, чем у шкафа-царского посланника, руки способны гнуть подковы, а взгляд пугает даже водяных. Сейчас эта гора мышц сидела на полу, прижимая к голове капустный лист, и выла белугой. Волосы на ее голове шевелились. Буквально. Они извивались, как змеи, пытались сплестись в косу, но постоянно путались и больно дергали хозяйку за уши.

— Марфуша, ну что ты реवेशь, как царица Несмеяна после развода? — ласково спросила я, присаживаясь рядом. — Дай посмотрю.

— Ва-си-ли-са! — прорычала она, глядя на меня глазами, полными вселенской скорби. — Оно щекочется! И шепчет гадости про мою фигуру! Говорит, что талию можно найти только с поисковым отрядом!

Я осторожно отвела капустный лист. Сквозь густые заросли волос пробивался слабый фиолетовый свет. Слезы феникса — субстанция капризная.

— Так, тихо. Закрой глаза. Представь, что ты не гора мускулов, способная сломать лешему хребет одним взглядом, а хрупкий лесной колокольчик.

— Я колокольчик, который весит сто двадцать килограммов, — всхлипнула Марфа.

— Именно. Самый тяжелый колокольчик в лесу. Расслабься. Магия любит расслабленных.

Я положила ладони ей на макушку. Теплая энергия пошла по пальцам. Никаких пассов руками, никаких заклинаний на латыни. Просто чистая концентрация. Нужно успокоить взбунтовавшуюся жизненную силу. Слеза феникса реагирует на эмоции. Марфа боится стать некрасивой — волосы пытаются создать идеальный, по ее мнению, образ, то есть скрыть ее целиком.

— Дыши носом. Выдыхай обиду на стандарты красоты глянцевого журналов для ведьм. Ты прекрасна такая, какая есть. Тебя любой водяной полюбит хотя бы за то, что ты можешь его на руках из проруби вытащить, если он нажрется болотной настойки.

Марфа засопела. Волосы перестали извиваться. Тихонько щелкая, они начали втягиваться обратно в кожу головы, растворяясь с тихим шипением.

— Ой, — пискнула Марфа, ощупывая гладкий череп. —

Ушло. Василиса, ты чудо.

— Я знаю, — я помогла ей встать. — Иди умойся. Скоро ужин. Только капустный лист оставь, он целебный, пусть полежит на всякий случай.

Марфа счастливо булькнула нечто похожее на «спасибо» и пулей вылетела из залы, чуть не снеся дверной косяк. Я подошла к котлу. Там, помешивая огромной деревянной ложкой тягучую зеленую массу, стояла моя бабушка. Баба Яга совсем не соответствовала лубочным картинкам. Никакой костяной ноги — обе свои, стройные, затянутые в мягкие сафьяновые сапожки. Никакого горба — прямая осанка профессиональной балерины на пенсии. Седые волосы уложены в сложную корону-косу, в которую вплетены серебряные нити. Одета она была в домашний халат из ткани цвета ночи, расшитый золотыми рунами, которые складывались в неприличные частушки, если долго на них смотреть. Лицо чистое, морщинки только в уголках глаз — от смеха. В руке она держала пульт дистанционного управления температурой котла.

— Запах пороховой гари и бюрократии, — произнесла Яга, не оборачиваясь. — Наверху ветер меняется. Чую, Костя скоро заявится. Дед его уже третий день забор чинить, ждет. Весь штакетник зубами грызет от нетерпения, старый маразматик.

— Бабуль, ты опять сканируешь будущее без лицензии Предсказателей? — я забралась с ногами на широкую лавку. — Штраф выпишут.

— Кто? Эти шарлатаны из Союза Астрологов? — фыркнула Яга, наконец поворачиваясь ко мне. Лицо ее смягчилось. — Ну здравствуй, ягодка моя. Нагляделась на городские чудеса? Видела, какую безвкусицу отгрохал себе Кощей? Поставил себе автоматические ворота с распознаванием лиц. Теперь каждый гость должен полчаса доказывать зеркалу, что он не самозванец. Замок твой дед вообще открывать перестал, сидит там, пыль собирает да рыцарские доспехи маслом смазывает. Пенсия его испортила.

— Зато он счастлив, — улыбнулась я. — Бабуль, ко мне сегодня приходили. Посланники царя.

Яга замерила с половником в руке. Зеленый суп опасно плеснул через край.

— Насильно мил не будешь? — догадалась она.

— Предложили быть нянькой для малолетнего террориста. Обещали золото вагонами. Я отказала. Сказала, что мое место здесь.

Бабушка отложила половник. Обошла котел, взяла меня за подбородок сухими, теплыми пальцами и внимательно заглянула в глаза. Взгляд у нее был древний, видевший рождение звезд и падение империй.

— Умница, — прошептала она. — Никогда не продавайся дешево, Василиса. Ни за золото, ни за власть, ни за красивые слова. Те, кто рожден учить, должны выбирать учеников сами. Иначе дар превращается в каторгу.

Она отпустила мой подбородок и вернулась к котлу, но

половник в руки брать не спешила.

— Однако зря ты им про дедушку ляпнула, — задумчиво протянула она. — Теперь они доложат царю, что род Кощеевых вмешивается в воспитание престолонаследника. А царь Гордей мнительный. Особенно с тех пор, как его жена на прошлой неделе случайно превратила его любимый трон в тыкву. Прямо на утреннем совете министров.

— Пусть докладывают, — я махнула рукой. — Что нам сделают? Сослать дальше деревни твоей некуда. Разве что на Колыму, в вечную мерзлоту, духов лесных пугать. Кстати, о наследниках. Где наша главная головная боль?

Яга хитро прищурилась.

— А вон, — она кивнула бородавчатым пальцем в сторону окна. — На яблоне сидит. Уже час. Боится зайти, думает, я его крапивой отстегаю.

Я выглянула в окно. Действительно, на толстой ветке старой яблони, удобно устроившись между гнездом сороки и ведром для сбора падалицы, сидел парень. Высокий, широкоплечий, черные волосы растрепаны, на скуле свежий синяк, который никак не хотел проходить (видимо, регенерация бастовала). Одет он был в простую рубаху и потертые штаны, заправленные в добротные сапоги. Несмотря на деревенский наряд, в нем чувствовалась та особая порода людей, которым тесно в любых рамках. Даже в тюремных. Константин, внук Кощея Бессмертного. Его история была тем еще анекдотом. Парень всегда отличался деятельной нату-

рой и полным отсутствием инстинкта самосохранения. Три месяца назад он решил доказать друзьям, что может вскрыть сокровищницу Соловья-разбойника. План был гениален в своей наглости: дожидаться, пока Соловей уйдет петь караоке в трактир «Три черепа», отключить систему сигнализации (которая состояла из одного пьяного филина) и вынести оттуда знаменитую Свистульку Абсолютного Хаоса. Проблема оказалась в том, что Соловей вернулся раньше. И застал Костю в процессе примеривания этой самой Свистульки. Экспериментальным путем выяснилось, что свистеть в нее нельзя категорически — звук вызывает массовый психоз у всей живности в радиусе десяти километров и превращает кирпичные стены в творог. Пока Константин пытался выплюнуть изо рта волшебный предмет, прибежала стража. Разбойник, увидев парня, радостно заявил: «О, попался диверсант от Кощея! Вот царь обрадуется!» Суд был быстрым. Учитывая дипломатический скандал, который мог возникнуть из-за обвинений рода Бессмертных в краже, Костю просто закатали на полгода в самую скучную тюрьму Тридевятого — Белокаменный острог, где заключенным запрещалось даже плевать на пол без разрешения. Для внука бессмертного мага, привыкшего к свободе, это было хуже смерти. Он вышел неделю назад, мрачный, похудевший, но странно притихший. Сейчас он сидел на яблоне, боясь спуститься. Потому что знал: баба Яга видела его художества с сокровищницей. И наказание могло быть куда страшнее тюрьмы.

— Ба, — позвала я, пряча улыбку. — Может, снять его оттуда левитацией? А то яблоки помнет. Антоновка все-таки, жалко.

— Пусть сидит, — сурово ответила Яга, но уголок ее губ предательски дрогнул. — Охлаждается. Думает о своем поведении. Как надумает — сам придет. Ужин стынет.

Она сняла с крючка полотенце, аккуратно вытерла руки и вдруг принялась. Ее лицо мгновенно изменилось. Смех ушел из глаз, сменившись сталью. Древней, холодной сталью хранильницы знаний.

— Быстро в дом, — скомандовала она шепотом. — Задвижь засов. Ставни на втором этаже закрыть, но щели оставить. Арбалет с болтами из омелы достать, положить возле печи. И скажи Базилу, чтобы прекращал играть с железьяками и лез в погреб.

Я опешила от скорости перемен. Только что была добрая бабушка, угощающая пирожками, и вот — боевой маг высшей категории, готовый встречать врага.

— Что случилось? — прошептала я, чувствуя, как волоски на руках встают дыбом.

Энергетика леса вокруг дома резко изменилась. Стало тяжело дышать.

— Зеркало, — коротко бросила Яга, указывая на старинное трюмо в тяжелой раме черного дерева, стоящее в самом темном углу залы. — Оно молчит уже сутки. А сейчас кричит. Но я слышу только белый шум. Значит, блокируют ка-

нал связи.

Мы одновременно повернулись к зеркалу. Обычно оно отражало залу, кота Базиля, наши лица. Сейчас поверхность пошла густой ртутной рябью. Рама, вырезанная из корня старого дуба, начала мелко вибрировать, источая запах озона. В глубине зеркала, сквозь мутную пелену, проступил силуэт. Женская фигура в балахоне пепельного цвета. Голова скрыта капюшоном, видны только тонкие губы, искривленные в беззвучном крике. Это была Прасковья, дух древней предсказательницы, привязанный к этому стеклу еще во времена Первой Войны Магов. Прасковья была язвой, педантом и лучшей подругой моей бабушки. Она обожала порядок, ненавидела незваных гостей и обычно общалась исключительно высокомерными замечаниями о пыли на полках. Но сейчас она не язвила. Она билась о невидимую преграду изнутри стекла. Ее рука вцепилась в собственное горло, лицо искажалось мукой.

— Направленное эхо-отражение, — быстро анализировала Яга, снимая с пояса связку сухих трав. — Кто-то поставил глухой щит. Нас отрезали от информационного поля.

Я подбежала к зеркалу вплотную.

— Прасковья! — позвала я. — Патрикеевна, хватит театр теней устраивать, говори нормально!

Дух ударила ладонью по стеклу с той стороны. По поверхности пошли трещины, которых секунду назад не было. Губы наконец разомкнулись. Звук, вырвавшийся наружу, был

похож на скрежет пенопласта по стеклу, усиленный в тысячу раз. Я зажала уши, но информация лилась напрямую в сознание, минуя барабанные перепонки. «...идет Буря... Старые Пути открыты... Он ищет Камень... Кровь Первородно-го вспыхнет... Береги девочку-не-рода... Феникс...» Образ в зеркале рассыпался на тысячи черных осколков. Трюмо лопнуло с оглушительным звоном. Осколки не посыпались на пол. Они зависли в воздухе, медленно вращаясь, а затем, словно притягиваемые гигантским магнитом, полетели в нашу сторону.

— Вниз! — рывкнула Яга, толкая меня за массивный дубовый стол.

Мы рухнули на пол за мгновение до того, как стеклянный шквал врезался в стену позади нас. Раздался взрыв. Осколки, наполненные остаточной магией предсказания, вонзились в бревна, сплавляясь с ними, прожигая дерево насквозь. По зале пополз едкий сизый дым. Когда грохот утих, я подняла голову. Сердце билось где-то в горле.

— Бабушка... — прохрипела я. — Что она сказала? «Береги девочку-не-рода»? Какой феникс? Ба?

Я обернулась. Баба Яга стояла посреди разрушенной залы. Ее лицо было бледным, как полотно. Она смотрела на разбитое зеркало, точнее, на то место, где оно висело. Потом ее взгляд скользнул ниже. Под обломками рамы, среди щепок и битого стекла, лежал небольшой медальон. Круглый, серебряный. Яга медленно, словно во сне, подошла к нему, опу-

стилась на колени и дрожащими пальцами подняла находку. На крышке медальона была искусно выгравирована птица с длинными струящимися перьями, обьятая языками пламени. Птица Феникс. Яга сжала медальон в кулаке так, что серебро жалобно хрустнуло. Затем она медленно повернула голову и посмотрела на меня. Взгляд Хранительницы Древних Знаний встретился с моими глазами. В ее зрачках плескался первобытный ужас смешанный с невыразимой нежностью.

— Василиса, — голос ее сел до сиплого шепота. — Солнышко мое... Собирай вещи.

— Куда? — глупо моргнула я, все еще сидя на полу. — В город возвращаться? Так там посланники...

— Дальше, — оборвала она. — Гораздо дальше. В Сибирь. К Лешему на кулички. Под землю. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Она шагнула ко мне, схватила за плечи и сильно встряхнула.

— Ты не дочь своего отца, девочка. И я тебе не родная по крови. Твоя мать... твоя настоящая мать сгорела дотла, защищая яйцо. Последнее яйцо своего вида. Аист ошибся адресом тридцать лет назад, принес тебя мне. Я думала, это шутка богов. Корзинка с человеческим младенцем на пороге дома Яги! Я оставила тебя, потому что пожалела. А теперь... Теперь охота открыта. Соловей-разбойник нашел след. Ему не нужна Свистулька. Ему нужен Камень Кошечья. И ты. Потому что кровь Феникса — единственный ключ, способный

открыть Печать Времени, наложенную на Камень. Без тебя Камень — просто булыжник. С тобой — абсолютное оружие.

Земля качнулась под моими ногами. Педагогический институт. Красные дипломы. Латте. Борщ. Все это стало картонной декорацией, которая рушилась, обнажая черную бездну настоящего мифа.

— Соловей? — выдохнула я. — Но он же мелкий бандит с большой дороги...

— Он был правой рукой Морганы, — жестко сказала Яга, поднимая меня на ноги. — Пока она не исчезла. Он тысячу лет ждал момента. И этот момент настал. Снаружи послышался треск. Огромные куриные ноги нашего дома внезапно напряглись. Дом дернулся, просыпаясь от многолетней дремы. Раздался низкий, трубный клекот, от которого задрожали стекла в уцелевших окнах. Ноги сделали первый шаг. Терем пошел ходуном.

— Быстрее! — крикнула Яга, хватая с вешалки дорожный плащ и швыряя его мне. — В подвал! Там портал к деду!

— А Марфа? А Аристарх?! — я вцепилась в косяк двери, ведущей в коридор, потому что пол накренился.

— Аристарх сам выберется, он старый паук-параноик, у него везде запасные выходы! Марфу я заберу! Бегом, Василиса! Каждая секунда стоит нам года жизни!

Я побежала по пляшущему полу. Позади, в главной зале, с грохотом обрушился потолок — это одна из куриных лап задела стропило, когда переступала через трухлявый пенёк. Я

кубарем скатилась по лестнице в погреб. Здесь пахло сыростью, солеными огурцами и озоном. В дальнем углу, за рядами бочек с капустой, стоял старый ржавый люк, которого здесь раньше не было. Яга скатилась следом, таща за шкуру ошалевшую Марфу, которая ничего не понимала, но послушно бежала.

— Открывай! — приказала бабушка. Я рванула кольцо люка. Петли, не смазывавшиеся лет сто, взвизгнули. Внизу открылся провал, из которого тянуло холодом межмирья и почему-то дешевыми сигаретами.

— Прыгаем! — скомандовала Яга. — Первым делом найди деда. Скажи, что Код «Расколотое Зеркало» активирован. Пусть готовит Машину. Мы идем ва-банк.

— Ба, я боюсь высоты! — пискнула Марфа, заглядывая в черную дыру.

— Там глубоко, но мягко! Падай солдатиком! — рявкнула я, хватая обеих женщин за руки. Дом наверху издал прощальный скрип и подпрыгнул на своих лапах, собираясь бежать прочь от деревни.

— Я отвлеку его! — крикнула Яга откуда-то сверху. Окажется, она уже стояла на краю люка. — Уводи девчонку! Живи, Василиса! Помни, кто ты!

Она с силой толкнула нас вниз. Мы полетели в темноту. Визг Марфы перешел в ультразвук. Я зажмурилась, ожидая удара о камни. Но падения не было. Была пустота. Холод. И ощущение, что меня разрывает на миллион маленьких ча-

стиц, каждая из которых летит в свое тридевятое измерение. А последним, что я услышала перед тем, как потерять сознание, был далекий, торжествующий свист. Такой громкий, что казалось, свистит само небо. Свист, от которого гниют деревья и плавают камни. Свист Соловья-разбойника.

Глава 2.

Говорят, что первый удар судьбы всегда самый болезненный. Чушь собачья. Первый удар — это просто шок и адреналиновый приход. Настоящая экзистенциальная тоска накрывает тебя позже, когда ты сидишь в тесном погребе, пахнущем укропом и смертью, пытаешься понять, почему твоя жизнь за последние сутки превратилась из уютного ситкома про учительницу в сценарий фильма-катастрофы категории «Б», а единственным звуком вокруг является жалобный скулеж Марфы.

Мы вывалились из портала прямо в кучу прошлогодней картошки. Портал оказался не тем величественным сияющим кольцом, которое показывают в голливудских блокбастерах. Это была ржавая канализационная труба диаметром метра полтора, проложенная аккуратно под фундаментом замка Кощея. Мы пролетели сквозь нее со скоростью пробки от шампанского, сбив по пути гнездо каких-то светящихся летучих мышей, пару забытых строительных касок и чей-то очень недовольный призрак водопроводчика. Приземление было мягким только для меня. Марфа, весившая как молодой лось, упала сверху, впечатав меня в подгнившие клубни так, что перед глазами заплесали зеленые круги. Сверху, ломая гнилые доски перекрытия, рухнула сама бабушка

Яга. Она приземлилась на шпагат, элегантно придерживая полы дорожного плаща, словно выходила на красную дорожку вручения премии «Золотая Ступа».

— Слезь с ребенка, медведица косолапая! — прохрипела Яга, пихнув Марфу локтем. — Ты ей хребет сломала!

Марфа ойкнула и откатилась в сторону, попутно обрушив стеллаж с трехлитровыми банками маринованных русалочьих хвостов. Раздался оглушительный звон стекла. Рассол хлынул на пол, смешиваясь с картофельной шелухой и пылью веков. Я выползла из-под внучки Ильи Муромца, отплевываясь землей. Голова гудела. Магический переход через межмирье без должной подготовки вытягивает силы похлеще годовой школьной проверки на проф пригодность. Мы находились в подвале огромного каменного строения. Воздух здесь был сухим, прохладным и пах озоном, старым пергаментом и... средством для мытья полов с ароматом лаванды. Под потолком висели магические светильники-светляки в клетках из кованого железа, заливая пространство ровным, почти больничным светом. Никаких паутин, черепов на шестах и котлов с кипящим варевом. Вместо этого вдоль стен тянулись стеллажи из хромированного металла, забитые реактивами в пластиковых контейнерах с маркировкой ГОСТ, коробки с надписью «Осторожно, мандрагора! Не кантовать!» и стопки современных глянцевых журналов вроде «Современная Некромантия» и «Вестник Лешего: Советы дачнику».

— Где мы? — просипела я, садясь на перевернутое ведро. Ноги отказывались держать.

— В гостевой пристройке деда, — бросила Яга, деловито осматривая разрушения. — Ох, Костя опять портал криво настроил. Говорила же ему, фазу сдвинь на два градуса к северу, иначе гостей будет протаскивать через очистные сооружения Водяного. Ладно, рассол потом дворовой домовой слизнет. А вы чего разлеглись? Жить надоело? Подъем! Василиса, проверь периметр на остаточную эманацию погони. Марфа, бери швабру и ликвидируй потоп, пока он до главного генератора заклинаний не добрался, а то весь замок останется без горячей воды и Wi-Fi.

Я машинально кивнула. Руки сами сложились в привычный знак концентрации. Закрыв глаза, я выпустила тонкий щуп сканирующего импульса. Мои пальцы слегка засветились бледно-голубым. Сканирование показало странную картину. Замок представлял собой слоеный пирог из эпох. Фундамент дышал древностью — там спали камни, помнящие еще динозавров и первых волхвов. Выше шла массивная кладка времен Ивана Грозного, пропитанная кровью опричников и страхом. А вот начиная со второго этажа начинался форменный хай-тек. Арматура пульсировала пропущенным через нее электричеством, стены были прошиты кабелями связи, а в западном крыле отчетливо чувствовалась работа мощного сервера, охлаждаемого чарами вечного льда. И над всем этим витал едва уловимый запах валерьянки и доро-

гого трубочного табака. — Чисто, — выдохнула я, открывая глаза. — Нас отрезало чисто. Хвоста нет. Но фон... Ба, твой друг Кощей случайно не решил открыть подпольный дата-центр? — Он его открыл лет пятьдесят назад, — усмехнулась Яга, доставая из воздуха связку ключей. — Пошли наверх, горе луковое. От тебя пахнет, как от мешка удобрений. Дед нам голову оторвет, если мы своими деревенскими миазмами испортим ему систему климат-контроля.

Она подошла к стене и приложила ладонь к гладкому серому камню. Плита беззвучно ушла в сторону, открывая винтовую лестницу, освещенную светодиодными лентами.

— Прошу в мою скромную обитель, — театрально взмахнула рукой Яга. — Осторожнее на повороте, тут перила сенсорные, могут дать сдачи, если их облапать грязными руками.

Мы поднялись на первый жилой этаж. Если бы не скошенный потолок с массивными деревянными балками, я бы решила, что попала в офис успешного IT-стартапа где-нибудь в Москва-Сити. Огромное открытое пространство (open space, будь он неладен), панорамные окна во всю стену, за которыми виднелся густой сосновый бор. Пол покрыт идеально подогнанными дубовыми досками, натертыми до зеркального блеска. У дальней стены располагался кухонный гарнитур цвета венге с гранитной столешницей, индукционная плита последней модели фирмы «ЗмейГорынычТех» и огромный холодильник стального цвета, тихонько гудящий

встроенным артефактом-холодильником четвертого уровня. Посреди зала стоял массивный овальный стол из цельного ствола дуба, вокруг которого крутились три роботизированных пылесоса в форме ежей, отчаянно сражаясь с крошками. На столе стояла дымящаяся кастрюля, рядом лежал планшет, на экране которого застыла формула какого-то сложного зелья. А слева... Слева возвышалось Оно. Огромное зеркало в тяжелой раме из почерневшего серебра. Высота — метра три, ширина — не меньше двух. Рама была покрыта такой искусной резьбой, что казалось, будто сотни переплетенных змей, воронов и василисков пытаются сожрать друг друга заживо. Зеркало занимало почетное место между серверной стойкой и барной стойкой, уставленной бутылками с настойками подозрительно фиолетового цвета. Как только мы вошли, одна из резных змей на раме дернула головой и плюнула в ближайшего робота-пылесоса сгустком черной жижи. Робот возмущенно библикнул, покрылся пятнами коррозии и затих навсегда.

— Прасковья Патрикеевна, прекрати портить имущество! — строго прикрикнула Яга, швыряя ключи на барную стойку. — Это был новый полотер серии «Домовой-Про». Он стоил двести золотых!

Зеркальная поверхность пошла легкой рябью, но отражения нашего не показала. Вместо него оттуда выглянуло лицо. Женское, аристократичное, с высокими скулами и подведенными сурьмой бровями. Лицо выражало вселенскую скорбь

человека, которому наступили на новую туфлю в метро. Глаза духа, однако, горели ярким сапфировым огнем.

— Ядвига, — голос зеркала напоминал скрежет мела по школьной доске, приправленный нотками дешевого парфюма. — Посмотри на этот свинарник. Я молчала, когда твой внук притащил сюда эту гору мышц и она пыталась использовать мой амальгамный слой как штангу. Я терпела, когда ты неделю настаивала жабы бородавки прямо на моей лицевой панели, утверждая, что «так энергетика чище». Но сейчас... Сейчас эта пигалица, — костлявый палец духа ткнул в мою сторону, — стоит посреди моего личного пространства в лаптях из болотного мха. Лаптях, Яга! Ты понимаешь глубину падения эстетики?! Песок! Травинки! Там дохлая цикада застряла!

Я опустила глаза. Действительно, к моим кроссовкам (городская модель, мембрана Gore-Tex) намертво присох какой-то репейник и пара сухих листьев папоротника.

— Привет, Патрикеевна, — максимально вежливо сказала я. — Давно не виделись. Хорошо выглядишь. Омолаживающие маски из слез девственниц помогают?

Лицо в зеркале пошло багровыми пятнами.

— Василиса! — одернула меня бабушка, но в ее глазах плясали чертики. — Будь добра, прояви уважение к Хранителю Очага. Прасковья следит за порядком в школе уже триста лет. Без нее мы бы утонули в пыли и недоученных некромантах.

— Эта «пигалица», — процедило зеркало, буравя меня взглядом, — разбила мне прошлый корпус во время выпускного экзамена по левитации. Сказала, что «случайно чихнула резонансной волной». Она называет меня «Патрик»! Меня, дух древней крови, советницу Чернобога! Какое фамильярство!

— Зато я единственная, кто догадался установить тебе антивирус, когда ты чуть не впустила в замковую сеть троян от Лихо Одноглазого, — парировала я, скидывая рюкзак на пол. — И вообще, если бы ты не тратило восемьдесят процентов вычислительной мощности на подсматривание за купающимися водяницами, система безопасности работала бы быстрее.

— Это называется мониторинг природных ресурсов! — возмутилось зеркало. — Мне нужно знать степень загрязнения озера химикатами от фабрики братьев-ремесленников! Я эколог!

Пока мы переругивались, Яга успела снять свой тяжелый дорожный плащ, оставшись в изумрудном домашнем костюме из мягкого кашемира, и теперь колдовала над кофемашиной.

— Тихо, дети, — наконец произнесла она, ставя перед нами две огромные кружки с напитком, пахнущим карамелью, корицей и чем-то неуловимо опасным. — Скандал отложим на после ужина. У нас форс-мажор государственного масштаба. Соловей знает о Ключе.

Марфа, которая все это время тихо икала, сидя на краешке кожаного дивана, подавилась воздухом.

— Знает? — пискнула она. — О том самом Камне? Который дедушка Константин прячет в тайнике за портретом?

— Уже не прячет, — мрачно ответила Яга. — Потому что тайник пуст.

Наступила тишина. Было слышно только, как один из оставшихся в живых роботов-пылесосов безнадежно пытается втянуть в себя ножку стола. Я сделала глоток из своей кружки. По телу мгновенно растеклось тепло, голова прояснилась, а усталость отступила, сменившись звенящей бодростью. Зелье восстановления высшей категории.

— То есть как пуст? — переспросила я. — Куда он мог деться? Кощей же параноик старой закалки. У него даже зубная щетка заговорена от кражи.

— Вот именно поэтому он его и переложил, — вздохнула Яга. — Старый дурень решил, что хранить кристалл размером с кулак в сейфе слишком банально. Он интегрировал его структуру в основание своего тронного зала. Думал, что если кто-то придет за Камнем, придется рушить весь замок, а на это даже у Соловья наглости не хватит. Только расчеты показали ошибку. Кровь Феникса — катализатор. Если Соловей проведет ритуал призыва прямо над тронном, используя твою кровь, Вася... замок просто испарится. Вместе с дедом. Останется только воронка глубиной до центра земли.

— Весело, — я потеряла переносицу. — Просто великолепно.

но. Значит, план действий: найти маньяка с музыкальным слухом, спасти приемного дедушку от аннигиляции и выяснить, почему моя биологическая мать была птицей. Кстати, о птицах. Ба, зеркало сказала что-то про «Код Расколотое Зеркало». Что это значит?

Прасковья в стекле тяжело вздохнула, отчего по поверхности пошли разводы, похожие на сигаретный дым.

— Это протокол экстренной эвакуации школы, — сухо пояснила она. — Разработанный мной лично. Когда активируется код, все ученицы телепортируются по заранее заданным координатам убежищ. Сама школа переходит в режим автономии. А хранители... — дух замялся, что для бесплотного существа было выдающимся достижением. — Хранители должны явиться в Зал Совета. Прямо сейчас. Василиса, твои волосы... они начали тускло светиться в инфракрасном спектре. Твоя сущность просыпается. Тебе нужно научиться ее контролировать, иначе ты вспыхнешь, как газовая конфорка, при первом же стрессе.

— Инструктаж по технике безопасности подождет, — отрезала Яга. — Сначала база. Василиса, иди прими душ. Третья дверь направо. Там шампунь от блох, вшей и сглаза, розовый флакон. Марфа, бегом в душевую номер два, синий флакон. И ради всего святого, не лейте воду на электрический феникс в ванной, он вчера обиделся и током бьет.

— А вы? — спросила я, вставая.

— А мы с Константином пойдем встречать вашего деда,

— ухмыльнулась Яга. — Он должен был прибыть десять минут назад. Порталы барахлят. Видимо, Соловей ставит помехи на всех частотах.

Яга щелкнула пальцами. Ближайшая панель на стене отъехала в сторону, обнажая скрытый монитор. На экране появилось изображение прихожей. Там, небрежно прислонившись к стене, стоял парень. Тот самый, с яблони. Константин. Только выглядел он теперь совсем иначе. Тюрьма Белокаменного острога смыла с него налет столичного разгильдяйства. Волосы были коротко стрижены, плечи казались еще шире, а взгляд... Взгляд стал тяжелым, оценивающим. Так смотрит хищник, вышедший на охоту после долгого голода. На нем была простая черная рубашка, расстегнутая на груди, и джинсы, которые стоили больше, чем вся деревня бабушкиной молодости. Рядом с ним переминался с ноги на ногу высокий старик в строгом черном сюртуке. Кощей Бессмертный. Даже через экран монитора чувствовалась исходящая от него волна ледяной, абсолютной власти. Никакой сторбленности пенсионера. Спина прямая, подбородок вскинут. Только глубокие тени под глазами выдавали возраст в несколько тысяч лет. Кощей что-то говорил Константину, медленно, четко артикулируя. Я включила звук. «...запомни, мальчишка. Твоя задача — охранять девочку. Глаз с нее не спускать. Если хоть волос упадет с ее головы, я достану тебя даже из Царства Мертвых и заставлю пересчитывать каждую монету в сокровищнице. Их там четырнадцать миллиардов.

Долго будешь считать».

Кощей как будто почуял взгляд Василисы, замолчал, перевёл взор на смотрящих на него женщин, шёпотом чертыхнулся и, щёлкнув пальцами, оказался рядом с Ядвигой, держа внука за локоть.

— Суровый у тебя дед, — прокомментировала мгновенный перенос я, глядя на понурившегося Костю.

— Да он сам ангел, — буркнул парень, заметив, что камера наблюдения повернулась в его сторону. — Это бабушка Ксения настояла, чтобы он меня припахал. Говорит, трудотерапия лечит инфантилизм.

Упоминание имени сестры Соловья-разбойника заставило меня напрячься. Ксения. Красивая, ядовитая, как аспид, змея. Я видела ее пару раз на городских приемах. Ходячий эталон стиля «дорого-богато», способный убить одной фразой и улыбкой.

— Они поднимаются, — сообщила Прасковья, переключая камеру на главный лифт. — Совет начнется через семь минут.

Василиса, марш мыться. От тебя пахнет свободой и дешевыми придорожными трактирами. Это оскорбляет мое чувство прекрасного.

Душевая комната оказалась гибридом римской термы и кабины космического корабля. Потолок был усыпан звездами-флуоресцентками. Вода лилась не из крана, а прямо из облака, зависшего под потолком, и пахла грозой. Шампунь

действительно оказался чудо-средством. Стоило нанести пену на волосы, как они начали тихонько потрескивать статическим электричеством, а кожа головы ощутила легкий холодок ментола. Репейники и лесная грязь исчезали на глазах, растворяясь без следа. Через десять минут я вышла оттуда чистая, свежая и одетая в пушистый махровый халат бордового цвета, который нашла на вешалке. Размер подошел идеально, хотя обычно халаты трещали на мне по швам. Когда я вернулась в главную залу, обстановка изменилась. На овальном столе теперь стояли не банки с грибами, а интерактивная карта Тридевятого царства. Карта жила своей жизнью: по синим нитям рек ползали нарисованные кораблики, в лесах мигали красные точки лесных пожаров (наверняка опять туристы-Лешие шашлыки жарили), а над столицей пульсировало огромное ядовито-желтое пятно. За столом сидели четверо. Баба Яга крутила в пальцах серебряный нож для писем. Кощей сидел неподвижно, как изваяние, положив руки на подлокотники кресла. Его длинные узловатые пальцы побелели от напряжения. Константин стоял у окна, спиной к нам, сцепив руки за спиной. Напряжение, исходящее от него, можно было резать ножом. Четвертой была Марфа. Она сидела на самом краешке стула, сложив свои огромные ладони на коленях, и смотрела на Кощея преданными глазами влюбленного сенбернара.

— Итак, — нарушил тишину Кощей. Голос у него был сухой, скрипучий, похожий на шелест старых газет. — Благо-

даря героической глупости моего внука, наш единственный козырь превратился в приманку. Соловей знает, что Камень здесь. Он чувствует пульсацию магии Феникса. Вопрос первый: откуда он узнал про кровь?

Все посмотрели на Константина. Парень покраснел, несмотря на загар.

— Ну... — проямлил он. — Мы тогда отмечали окончание сессии в «Трех черепах»... И я немного похвастался перед ребятами. Сказал, что мой дед держит мир на коротком поводке благодаря одному интересному булыжнику. Слово за слово... Кто-то из собутыльников явно имел уши везде. Издержки жизни в маленьком мире, госпожа наставница.

Он бросил быстрый взгляд в мою сторону. Щеки покраснели еще сильнее. Я сделала непроницаемое лицо. Педагогика учит сохранять спокойствие, даже когда хочется надеть студенту мусорное ведро на голову.

— Мальчишка, — прошелестел Кощей, и температура в комнате упала на пять градусов. — Ты рассказал о Ключе пьяным наемникам. Прекрасно. Уровень секретности — минус бесконечность.

— Дед, перестань, — вступилась Яга. — Что сделано, то сделано. Теперь наша задача — выжить ближайшие сорок восемь часов. Пока Василиса не пройдет инициацию. Девочка, подойди.

Я шагнула к столу. Халат пришлось туже затянуть на поясе — полы расходились при ходьбе, демонстрируя мои ко-

лени. Константин судорожно сглотнул и отвернулся обратно к окну. — Стань ровно, — приказала Яга. — Закрой глаза. Почувствуй огонь внутри. Он спит глубоко, потому что тридцать лет ты притворялась обычным человеком. Но искра осталась. Древняя память клетки.

Я послушно закрыла глаза. Попыталась сосредоточиться. Внутри было темно и тихо. Только урчание желудка (завтрак сегодня пропустила) и легкое беспокойство.

— Глубже, — шептал голос бабушки. — Забудь про педагогику. Забудь про планы уроков. Вспомни тепло. Тепло большого солнца. Вспомни крылья...

И вдруг оно отозвалось. Где-то в районе солнечного сплетения шевельнулось нечто. Маленький, теплый комочек. Он заворочался, расправляя невидимые иголки. По венам вместо крови побежал жидкий огонь. Я вдохнула, и воздух в легких загорелся. Открыв глаза, я увидела, что мои кисти рук объаты ровным золотистым пламенем. Оно не жгло. Оно согревало. Огонь танцевал на кончиках пальцев, складываясь в причудливые узоры — языки, перья, спиральные галактики. — Достаточно, — твердо сказала Яга, кладя свою сухую ладонь поверх моего пламени.

Огонь мгновенно втянулся обратно в кожу, оставив лишь легкое покалывание.

— Контролируемый выброс, — констатировала бабушка, обращаясь к Кощею. — Потенциал колоссальный. Реакция на стресс мгновенная. Если научить ее дозировать...

— Учить будем в процессе, — оборвал Кощей. — Времени на академическое образование нет. Соловей начал действовать открыто. Десять минут назад пал пограничный пост Велеса на Восточном тракте. Застава уничтожена полностью. Стерта из реальности. Ни тел, ни пепла. Чистое поглощение энергии. Это работа Камня бездны. Или того, кто думает, что умеет им пользоваться.

— Он идет сюда, — глухо сказал Константин, не оборачиваясь. — Я чувствую. Земля дрожит. Лес молчит. Даже комары сдохли от страха.

— Именно, — кивнул Кощей. — Он хочет взять крепость нахрапом. Испугать. Выдавить нас наружу. Поэтому слушайте диспозицию. Первое: Марфа, вспоминай чему тебя дед учил, если что поможешь. Второе: Прасковья переводит защитные системы замка в режим «Цитадель». Вся энергию — на щит. Третье: Константин. Ты идешь в арсенал. Мой старый меч «Жнец Душ» лежит в седьмом шкафу, его не трогай, возьми простой палаш с кристаллом богов. Код доступа — дата смерти Ивана Грозного. Принесешь его сюда. И захвати тот браслет с шипами, который я конфисковал у тебя после истории с княжной-утопленницей. Носить его запрещаю, но сейчас самое время.

Константин резко развернулся. Его лицо было серьезным, никаких следов прежнего шутовства.

— Понял, — коротко бросил он и быстрым шагом вышел из залы.

Впервые за все время нашего знакомства он двигался не как расхлябанный городской шалопай, а как солдат. Четко, экономно, смертоносно.

— Василиса, — Кощей перевел на меня свои льдистые глаза. — Ты останешься здесь. В центре комнаты. Это эпицентр силовых линий. Если он прорвет внешний контур, твоя задача — создать Купол Абсолютного Отрицания. Ты читала о нем в учебнике теоретической магии?

— Параграф двадцать четыре, страница четыреста двенадцать, — автоматически ответила я. — Требуется расхода жизненной силы эквивалентного трем годам жизни мага. Побочный эффект — полная алопеция и желание съесть кирпич.

— Сегодня обойдешься без кирпича, — уголком губ усмехнулся бессмертный. — Просто держи щит. Сколько сможешь. Яга будет твоей батареей.

— А ты? — спросила я.

— А я выйду поздороваться, — Кощей поднялся. Его фигура внезапно показалась огромной, заполнив собой все пространство зала. Тень за его спиной стала похожа на распахнутые черные крылья. — Старый друг пришел в гости. Невежливо оставлять его за порогом.

Глава 3.

Если вам когда-нибудь скажут, что тюрьма исправляет людей — плюньте этому оптимисту в утренний смузи. Тюрьма Белокаменный острог делает из человека две вещи: либо философа-циника, способного убить взглядом за неправильно заваренный чай, либо абсолютно отморозенного фаталиста, которому море по колено, а царский указ — просто бумажка для растопки самокрутки. Константин, внук Кощея Бессмертного, судя по всему, успешно совместил оба этих качества.

Он появился на пороге нашего импровизированного штаба через три минуты после того, как Соловей-разбойник начал превращать входную дверь в древесную труху. До этого момента мы слышали только тяжелые шаги в каменном коридоре, сопровождаемые звоном чего-то металлического, волочащегося по полу. Звук был ритмичным, наглым и совершенно лишенным страха перед лицом двух Хранителей Древности и одного разбуженного Феникса.

Дверь арсенала — тяжелая плита зачарованной стали — отъехала в сторону с оглушительным скрежетом. На фоне полумрака подземелья возник силуэт. Первым делом в зал въехал гроб. Обычный такой, лакированный, черного дерева, с бронзовыми ручками. Он парил в полуметре от пола,

ведомый невидимой силой. Следом шел Костя. Внешне он мало изменился с нашей последней встречи у бабушки в саду, но теперь его окружала аура той специфической опасности, которая бывает только у крупных хищников, долго сидевших в тесной клетке. Короткая стрижка открывала уши, которые оказались немного заостренными кверху — наследство деда давало о себе знать. Черная рубашка была небрежно расстегнута на верхние пуговицы, обнажая крепкую шею и край татуировки, спускавшейся под ключицу — кажется, там извивалась какая-то древняя руническая вязь. Джинсы были потертыми, а высокие армейские ботинки оставляли на идеально чистом мраморе Прасковьи грязные следы. Но главным было не это. Главным был его взгляд. Темный, насмешливый, сканирующий помещение так, будто он оценивал не спасательную операцию, а ассортимент винного погреба.

— Опаздываю? — хрипло спросил он, останавливаясь посреди залы. Его голос звучал низко, с легкой трещинкой простуды, которую он явно игнорировал. — Пробки на выезде из преисподней. Демоны бастуют, требуют восьмичасовой рабочий день и бесплатные печеньки.

Он пнул летающий гроб носком ботинка. Крышка со скрипом откинулась. Внутри, на бархатной подкладке, лежал меч. Даже не меч — оружие массового поражения. Двуручник длиной в рост Константина, с лезвием цвета воронова крыла, которое, казалось, поглощало свет магических ламп.

Рукоять была обмотана черной кожей, а наверху представляло собой оскалившийся череп без нижней челюсти.

— «Жнец Душ», — констатировал Кощей, глядя на оружие немигающим взглядом. — Я велел его расплавить, а потом чего то передумал. Он проклят. Каждый, кто держит этот клинок больше часа, начинает разговаривать с мертвыми во сне и требовать повышения зарплаты.

— А я люблю трудности, — пожал плечами Костя, вытаскивая меч. Клинок вышел из ножен беззвучно, оставив в воздухе шлейф запаха озона и старого железа. — Привет, дед. Ты выглядишь... мертвым. В хорошем смысле слова.

Кощей медленно повернул голову. Если бы взгляды могли замораживать океаны, замок сейчас стоял бы посреди ледяной пустыни. Температура в зале упала градусов на десять. Марфа, стоявшая позади меня, тихо икнула и попыталась слиться со стеной.

— Ты ослушался прямого приказа, — прошелестел Кощей. Голос бессмертного мага лишился всяких человеческих интонаций, превратившись в звук трескающегося льда. — Я велел тебе взять стандартный палаш и защитный браслет.

— Палаш — это зубочистка для моего статуса, — ухмыльнулся Константин, крутнув тяжелый двуручник одной рукой с пугающей легкостью. Мышцы на его спине перекатились под рубашкой. — А браслет... ну, ты сам знаешь, почему я его не надел. После истории с княжной-утопленницей у ме-

ня на него аллергия. Чешусь потом неделю, как шелудивый пес. Кстати, привет, наставница.

Он наконец перевел взгляд на меня, как будто только сейчас меня заметил. И улыбнулся. Широко, обезоруживающе, демонстрируя ямочки на щеках, которые никак не вязались с окровавленным (пока еще нет, но потенциал чувствовался) оружием в руках. Я стояла, запахнувшись в бордовый халат и скрестив руки на груди. Мой вид должен был выражать холодное презрение педагога к двоечнику, пришедшему на пересдачу в пьяном виде. Но колени предательски дрогнули. Проклятая женская физиология реагировала на тестостерон быстрее, чем разум успевал напомнить о том, что передо мной ходячая катастрофа.

— Здравствуй, Константин, — мой голос прозвучал суше, чем пески Сахары. — Рада видеть, что пенитенциарная система Тридевятого тебя не сломила. Хотя манеры этикета она тебе тоже, видимо, не привила. Стоишь в верхней одежде в помещении дам, держишь габаритное холодное оружие и называешь главу Совета «дедом». Уровень твоего социального интеллекта упал ниже уровня грунтовых вод.

— О, смотрите, заговорила твоя внутренняя зануда! — воскликнул Костя, опираясь на рукоять меча, воткнутого острием в пол. Камень под клинком пошел трещинами. — А то я думал, кукла говорящая приехала. Всегда такая правильная, аж зубы сводит. Красный диплом, идеальная осанка, планы уроков сверстаны на год вперед. Ску-у-учно. Жизнь слиш-

ком коротка, чтобы быть правильной, цыпленок.

— Во-первых, — я сделала шаг вперед, ткнув его пальцем в широкую грудь. Халат опасно распахнулся, но мне было плевать. — Не смей называть меня цыпленком. Я — Премудрая. Во-вторых, моя жизнь станет гораздо короче, если твой дед решит, что проще превратить тебя в пепельницу, чем терпеть твои выходки. Убери железку, пока не проткнул сквозняк. От тебя пахнет тюремной баландой и дешевой бравадой.

Я замолчала, чувствуя как тяжело дышу и поражаясь своей внутренней занудности. Константин втянул носом воздух, словно приняхиваясь к самому себе, затем наклонился ко мне так близко, что я почувствовала запах мужского пота, оружейной смазки и чего-то пряного, свойственного только ему. Его глаза оказались совсем рядом — темные омуты, в которых плясали золотистые искры магии крови.

— Баланда была отвратительная, согласен, — шепнул он мне на ухо. — Зато компания подобралась душевная. Один фальшивомонетчик научил меня варить чифир из сушеных русалочьих слез. Бодрит лучше кофе. Хочешь попробовать?

От него веяло таким первобытным, диким здоровьем и уверенностью, что у меня перехватило дыхание. Этот парень провел полгода в камере строгого режима за драчливость, где его наверняка пытались зарезать каждую вторую пятницу, и вышел оттуда с желанием шутить про чай. Это было ненормально. Это было притягательно. Это было чертовски

раздражающе.

— Я скорее выпью яд гремучей змеи, — отрезала я, отстраняясь и плотнее затягивая пояс халата. — И прекрати дырявить исторический пол. Мы тут пытаемся спасти мир, а не устраиваем сеанс экзорцизма над напольным покрытием. — Мир подождет, — фыркнул он, но меч все же выдернул. — Дед, ты зачем девочку в халат нарядил? Ей идет кожа и сталь. Видел ее фотки в выпускном альбоме школы — там она в мантии выглядит как валькирия после корпоратива. А сейчас похожа на библиотекаршу, которую застали врасплах в подсобке.

— Константин! — рывкнул Кошей так, что задрожали хрустальные подвески на люстре. — Закрой рот. Сядь. И объясни нам, какого лешего ты притащил сюда эту могильную летающую плиту.. Костя послушно опустил в свободное кресло, закинув ногу на ногу. Меч он прислонил к подлокотнику, словно зонтик-трость. Гроб остался висеть в воздухе за его спиной, периодически издавая тихий жалобный стон. Баба Яга, до этого молча наблюдавшая за сценой с видом энтомолога, изучающего редкого, но крайне ядовитого жука, тяжело вздохнула и достала из воздуха трубку.

— Мальчик мой, — начала она ласково, выпуская кольцо сизого дыма, которое приняло форму черепа. — Мы все понимаем, что шесть месяцев в обществе насильников, карманников и мелких бесов наложили отпечаток на твою нежную психику. Травма детства, отсутствие отца, гиперопека

матери-призрака... Но воровать родовой артефакт высшей категории уничтожения прямо из-под носа у главы рода — это уже диагноз. Что скажет твоя красавица Ксения? Она ведь такие надежды на тебя возлагала. Хотела женить на какой-нибудь тихой утопленнице с хорошим приданым, ну или что похуже...

При упоминании сестры Соловья лицо Константина на мгновение дернулось. Желваки заходили на скулах, а пальцы, сжимавшие рукоять меча, побелели.

— Бабушка Ксения, которая кстати чуть старше меня, может свои надежды засунуть туда, куда солнце не заглядывает, — ровно произнес он. — Она хотела сделать из меня комнатную собачку. Поводок из жемчужных нитей, намордник с бриллиантами. Чтобы я сидел у трона Соловья и умильно смотрел, как братец захватывает мир. Фигушки. Я предпочитаю свободу. Пусть и в робе заключенного.

— Свободу он предпочитает, — проворчал Кошей, впервые за вечер моргнув. — А вместо свободы получил высшую меру социальной защиты. Царь Гордей лично подписал указ о твоей казни через растворение в кислоте Единорога. Спасло тебя только мое вмешательство. Я отдал Царской Канцелярии половину своих запасов молодильных яблок и пообещал починить их дурацкий Летописный Самописец, который они залили пивом на прошлогоднем фестивале. Ты мне должен, мальчишка. По самые брови.

— Долг жизни — самая скучная валюта, — отмахнулся

Костя. — Вот долг чести — другое дело. Поэтому я здесь. Вы собираетесь встречать дорогого гостя? Так вот, информация к размышлению: Соловей пришел не один. Это заявление заставило всех замереть. Даже Прасковья в зеркале перестала протирать несуществующую пыль со своей рамы кружевным платочком.

— Конкретнее, — потребовал Кощей.

— Там, в лесу, — Костя неопределенно махнул рукой в сторону окна, за которым сгущались сумерки. — Прячется стадо поддержки. Голов пятьдесят. Наемники из Железного Леса, дезертиры из полка големов и пара десятков упырей высшего ранга. Они ждут сигнала. Свистун хочет устроить показательную казнь. Взять крепость штурмом, насадить ваши головы на колья, а девчонку забрать тепленькой, пока она будет рыдать над вашими телами. Классика жанра. Старый пень всегда любил театральщину.

— Откуда сведения? — прищурилась Яга.

— Профессиональная этика преступного мира, — усмехнулся Костя. — Когда сидишь в общей камере, информации течет больше, чем в министерстве разведки. У одного из големов оказался болтливый управляющий кристалл. За пачку сигарет из болотного табака он сдал мне весь план наступления. Кстати, сигареты я зажилил. Надо же с чего-то начинать новую честную жизнь.

Я смотрела на него и пыталась сложить два плюс два. Получалось плохо. Передо мной сидел самовлюбленный эго-

ист, вор и потенциальный убийца, который рассуждает о планах мирового господства своего родственника с ленцой кота, развалившегося на печи. Но при этом он знал расположение вражеских сил, понимал тактику боя и единственный из всей нашей компании выглядел готовым к драке прямо сейчас. Моя интуиция учителя кричала об опасности. Интуиция женщины... молчала, замороженно разглядывая линию его подбородка.

— То есть, — подытожил Кощей, — у нас осадное положение, неполный состав Совета, недоученная ведьма-неофит в центре силовых линий и внук-рецидивист с краденым проклятым мечом. Прекрасный расклад. Шансы на выживание — пятнадцать процентов.

— Пятнадцать с половиной, — поправил Костя. — Полпроцента добавляю за то, что у вас отличный коньяк в баре. Я видел бутылку, когда лез через окно. Армянский? Семнадцатилетней выдержки?

— Ты лез через окно?! — взвилась Марфа. — Там же сигнализация! Медузы-горгоны на карнизе!

— Спят они, — буркнул Костя. — Я им колыбельную спел. Про налоги. Любая медуза засыпает на втором куплете.

Внезапно снаружи раздался звук. Высокий, пронзительный, похожий на свист ветра в печной трубе, но усиленный тысячекратно. Соловей подавал сигнал. Земля вздрогнула. Бокалы на столе сами собой подпрыгнули и зазвенели. Со стеллажей посыпались банки с ингредиентами. Одна разби-

лась, выпустив облачко фиолетового газа, которое тут же сконденсировалось в маленькую плачущую дворнягу. Дворняга чихнула и исчезла.

— Началось, — выдохнула Яга. — Всем занять позиции. Константин, щит на восточное крыло. Там старая кладка, она проседает. Василиса, в центр. Прасковья, активируй «Горгонье зеркало» на входе. Будем встречать гостей красиво.

— Наконец-то веселье, — осклабился Костя. Он встал, одним плавным движением поднял «Жнеца Душ» и крутанул его над головой. Воздух вокруг лезвия пошел волнами жара. — Дед, поддержи гроб. Мне неудобно прыгать с ним.

Кощей щелкнул пальцами. Черный ящик метнулся к руке бессмертного и завис у его локтя, продолжая тихо постукивать.

— Я смотрю на него, — тихо сказала я Бабушке Яге, когда Костя широким шагом направился к выходу в холл, — и не могу понять. Он идиот или гений?

— Он Кощей, — ответила Яга, доставая из складок халата короткий посох, увитый живыми шипами терновника. — А мы, Кощеи, существуем вне категорий добра и зла. Мы существуем в категории «эффективность». Сейчас он эффективен. А завтра посмотрим, пустим ли мы его на ингредиенты для мази от радикулита. Иди в круг, девочка. И ради всего святого, застегни халат. Негоже вводить парня в искушение перед смертью. У него и так нервная система расшатана тюрьмой.

Битва началась внезапно и громко. Восточное крыло замка содрогнулось от удара такой силы, что картины в тяжелых рамах сорвались со стен. Это наемники из Железного Леса решили проверить прочность ворот тараном из зачарованного дуба. Ворота ответили звуком гонга и выпустили облако спор сонного папоротника. Судя по последующему отборному мату на трех языках, споры сработали эффективно. Мы стояли в главном зале, образуя неправильную звезду. В вершинах находились: Кощей (центр управления), Яга (ударная сила), Прасковья (защита периметра), Марфа (резерв и грубая физическая сила) и я. А между нами, в самом геометрическом центре начерченной на полу серебряной пентаграммы, стояла задача. Вернее, источник проблемы. Моя кровь. Я вытянула руки ладонями вниз. Вспомнила уроки академической магии. Представила потоки энергии земли, поднимающиеся сквозь фундамент замка. Нужно было сплести каркас Купола Абсолютного Отрицания. Сложнейшая структура пятого порядка. Обычно ее плетут трое архимагов в течение получаса. У меня было секунд тридцать, прежде чем внешняя защита падет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.